

1

Воздух прохладнее, чем в городе. Тридцать три, тридцать пять градусов. Пахнет лесом. Лина слышит, как стучит дятел, поет кукушка. Стоит и прислушивается, внимает голосам птиц, пытается их распознать. Пение наполняет тишину. Лина знает, что она здесь одна.

Береза лежит поперек дороги, вокруг валяются ветки. Последняя летняя гроза прошла неделю назад, с тех пор здесь никто не ездил. Над головой поднимается шум, и Лина видит стаю зелено-голубых попугаев. Шум пропадает за верхушками деревьев вместе с птицами. Лина убирает упавшие ветки, пытается подвинуть дерево, обеими руками хватая толстый сук, дергает. Упавшее дерево подается на несколько сантиметров, не более. Появляется новый запах, тошнотворно сладкий. Разлетаются мухи, и Лина выпускает из рук дерево и отшатывается. Разлагающийся труп волка. Она непроизвольно вскрикивает, но никто не слышит, она переводит дыхание, снова подходит и оттаскивает березу вместе с падалью в сторону ровно настолько, чтобы протиснуться на автомобиле. Перед тем как сесть в машину, Лина стоит в тени с закрытыми глазами, ждет, пока успокоится сердце. Ей нельзя перенапрягаться. Пот льет ручьем, шорты липнут к телу. Она садится в машину.

По дороге Лина пытается дозвониться до шефа. Тот не отвечает. Он знает, о чем пойдет речь: она не понимает, почему он послал ее в Уккермарк проверить историю, которая едва ли того стоит. Она чувствует себя обманутой.

Будь она на его месте, тоже бы не ответила.

Через полчаса, едва не столкнувшись на дороге с косулей, она прибывает в местечко, где должна встретиться со свидетелем. Указателя нет, ее приветствует только голый столб. Серые дома справа и слева заброшены, частично обвалились. Разбитые оконные стекла, там, где окна еще сохранились, заколоченные двери, за которыми ничего нет. Палисадники заросли. На подъездах к гаражам цветут дикие травы, в сараях растут деревья. От главной дороги не отходит ни одна боковая улица. Она объезжает стаю кошек, животные нежатся на солнце посреди дороги и не желают шевелиться.

Лина останавливается у деревянной церкви и выходит из машины. Здесь так же тихо, как в лесу, только щебетание птиц, гулкое жужжание пчел и шмелей. Она осматривается. На пустую доску объявлений перед церковью на секунду садится синяя бабочка, крылья — размером с ладонь. Дверь церкви приоткрыта, кажется, так было всегда. Она слышит мужские голоса за церковью. Лина сдвигает солнечные очки на лоб и выкрикивает имя свидетеля. Он отвечает: — Здесь, позади! — Она возвращает солнечные очки на нос.

За церковью кладбище, травы больше, чем могил. Уже лет двадцать здесь никого не хоронят. Кладбище окружает каменная стена, с брешами во многих местах, деревья внутри и снаружи разрослись. Трое мужчин среднего возраста сидят на зеленой деревянной скамье в полуденный зной и жмурятся на солнце. Лина улыбается и поправляет футболку, одергивает шорты, приглаживает волосы, так чтобы мужчины это заметили. Они должны думать, что для девушки из столицы важно, как они ее воспринимают.

Эти трое моложе, чем ей показалось, она видит это, только когда подходит. Возможно, ее ровесники, чуть за тридцать. Правда, их позы создают впечатление, что они старше: мужчины сидят сутулые и, кряхтя, вытягивают ноги.

Их зовут Карл, Фриц и Игорь. Игорь как раз и есть тот, кто утверждает, что собственными глазами видел, как два дня назад шакал разорвал женщину на куски. Так Игорь попал во все новости и стал самым известным жителем Уккермарка. Он показывает ей царапины на голени, след встречи с опасным зверем. Рана, правда, уже почти зажила, о чем он сожалеет. Впрочем, у него сохранились фотографии. На одной видны поверхностные царапины, которые с тем же успехом могли бы остаться от вилки. Едва заметная капля крови. На другой фотографии нога перевязана бинтом, Игорь сидит на этой же скамейке и, улыбаясь в камеру, держит большие пальцы рук вверх. «Звезда Уккермарка», — говорит Фриц, и Карл, словно фокусник, вынимает из старомодной сумки-термоса под скамейкой несколько банок пива. Лина вежливо отказывается. Ничего другого они ей не предлагают.

Молодые люди полагают, что ее зовут Карин и она зоолог. Она непрерывно улыбается, не самоуверенно, а скорее немного застенчиво, пока они еще раз пересказывают историю с шакалом. Слова почти полностью совпадают с текстом, который она слышала утром, и соответствуют тому, что говорил в новостях Игорь. Лина показывает ему изображения волков, койотов, рысей, шакалов и даже гиен, чтобы узнать, какой именно зверь это был. Игорь на некоторое время задумывается, щурится, протирает глаза и уверенно показывает на фотографию слегка потрепанного лиса. С видом знатока он называет его «золотой шакал», Лина понимающе кивает.

В одном они солидарны: очень неприятный случай и с этими дикими зверями надо срочно что-то делать. Кабаны, волки и медведи снова появились в округе — что же будет дальше? Лина притворяется, будто всерьез воспринимает опасения мужчин и уверяет, что к ее профессиональному мнению прислушиваются в правительственных кругах и поэтому при первой же возможности

она сообщит о региональных проблемах. Карл, Фриц и Игорь опустошают бутылки с пивом, попутно рассказывая, что их будни — это борьба за выживание, в деревне их всего трое, до ближайших соседей десять километров, все сложно, но, понятное дело, никто не жалуется, кому-то ведь надо заниматься сельским хозяйством, даже если правительство относится к этому критически и настаивает на переселении. Зоолог из столицы делает вид, что находится под сильным впечатлением от такой степени независимости.

Лина разыгрывает роль Карин, как всегда, безупречно, вплоть до мельчайших подробностей. Порой ей кажется, будто она смотрит на себя через объектив камеры. Раньше сестра, пристально глядя на нее, иногда говорила, что ей надо бы пойти в актрисы.

Едва скрывшись из виду у местных, Лина отбрасывает улыбку Карин, которая улетает и растворяется в небе на высоте шпиля. Она садится в электромобиль и едет обратно в Пренцлау. Снова пытается дозвониться шефу, но связи нет и в помине. Прием в этой безлюдной местности далеко не оптимальный. GPS, «Галилео», все спутниковые системы работают с перебоями, скорость передачи данных — если, конечно, удастся поймать сигнал — хоть плачь.

Вчера он сказал без всяких предупреждений:

— Планы меняются, ты отправляешься в Уккермарк. Вот информация, надо поговорить с двумя людьми, но запасись терпением, может, что-то еще всплывет по этому делу.

Разумеется, Лина уже давно слышала о нем в новостях. Она считает это правительственной пропагандой, распространяемой для того, чтобы отменить одну из программ по защите животных, потому что это стало слишком дорого. Глобальные экологические проблемы не затрагиваются, но можно постепенно сократить финансирование в более мелких масштабах. Есть и со-

вершенно другие интересы, которые, возможно, стоят за этой новостью: кто-то, вероятно, способствует тому, чтобы людям, живущим на окраинах, позволили пользоваться оружием. Охоту и стрельбу по диким зверям надо снова разрешить.

В этом году произошло уже много историй подобного рода. Стада кабанов недалеко от Мюнхена полностью уничтожили по меньшей мере десять гектаров пахотной земли и нанесли ощутимый ущерб урожаю. Поверхностное расследование, правда, показало, что в действительности почву недостаточно увлажнили — а это находится в ведении министерства сельского хозяйства. Именно оттуда поступило сообщение о кабанах. Два месяца назад медведь задрал некоторое количество куриц на ферме. Жертвами пали именно те курицы, которые содержались в ненадлежащих гигиенических условиях. Кроме того, животноводческие фермы так надежно защищены, что никакой медведь даже близко не подойдет. Но министр, ответственный за защиту животных, считает не целесообразным сообщать общественности истинные причины.

Естественно, и в истории с шакалом нет ни слова правды. Лина недоумевает, почему шеф не поручил это скучное дело кому-нибудь другому, менее опытному. Очевидно, он хочет убрать ее с дороги. Или проучить. Повиновение никогда не было ее сильной стороной.

Она возвращается той же дорогой, чтобы не наткнуться на новые препятствия или не угодить в выбоину. Ей нравится скользить сквозь солнечные лучи, пробивающиеся между деревьев. Только на подъезде к Пренцлау лес снова начинает редеть, как бывает рядом с крупными поселениями. Сначала показываются солнечные батареи и ветряки, потом теплицы, поля и животноводческие фермы.

На вокзале Лина сдает электромобиль в службу проката. Жара сегодня утомляет ее больше, чем обычно. У нее немного кружится голова, и она ищет тень.

Зайдя в магазин, наполняет бутылку водой, затем идет в городской парк, садится у подножия Канатной башни и медленно опустошает всю емкость. Опирается о стену и закрывает глаза. Пять минут покоя, больше сейчас ей ничего не надо.

Потом она встает и снова превращается в Карин, зоолога, который хочет знать, почему шакал может напасть на человека. Она направляется в медицинский центр, где практикует доктор Ортлепп, производившая освидетельствование трупа.

Приемная пуста. Служащий сообщает, что придется подождать, доктор Ортлепп проводит удаленную консультацию.

Лина располагается так, чтобы из открытого окна видеть озеро Уккер. Посреди комнаты стоит вентилятор, кондиционеры давно уже запрещены, они сохранились лишь в ее детских воспоминаниях. Стол перед ней оснащен дисплеем. Он транслирует информацию о прививках, питании и пищевых добавках, предохранении и прерывании беременности, о медицинском чипе и почему его следует имплантировать. Кроме всего прочего, можно загрузить в свой смартфон информацию о способах оказания первой помощи. На другом столе кувшин с водой, рядом — чистые стаканы. Лина берет один. Медработник мельком смотрит на нее, улыбается, как бы говоря: пить полезно, особенно в жару. Она рада, что он не произносит это вслух. Ему немного за пятьдесят, выглядит, однако, значительно моложе и здоровее тех трех парней на скамейке у кладбища. К тому же интеллигентнее и дружелюбнее. Лина кивает ему, залпом выпивает воду и записывает в блокнот: проверить лоббистов оружия? Стирает запись. Эта история ей не интересна. Это вообще не история. Но тут же чувствует угрызения совести и восстанавливает заметку.

Ее снова одолевает усталость. Она на миг засыпает, внезапно вздрагивает и смущенно пытается понять, где

находится. Смотрит на медработника, который, кажется, не обращает на нее внимания. Лина приободряется, достает смартфон и просматривает видео разговора с Игорем, которое сняла камерой, вмонтированной в солнечные очки. Качество безупречно, все трое хорошо узнаваемы. Как решительно Игорь указывает на лису: лучшего и пожелать нельзя. Лина снимает поднятые на лоб очки и прикрепляет к топу.

Она концентрируется на роли. Ей надо изобразить Карин, иначе никто не станет с ней разговаривать. Кого заставишь добровольно беседовать с «фанатиками» из «правдивой прессы»? Это вызывает лишь раздражение. Государственные информационные агентства господствуют в медиапространстве, независимая журналистика при каждом удобном случае дискредитируется официальными источниками, как и все независимое, с упреком, что финансирование возможно лишь благодаря личным пожертвованиям и частично поступает из-за границы. Конечно, никто не платит за новости. Большинство людей, похоже, не интересуется, правдиво ли то, что им сообщают. Так или иначе, все врут. Мы все равно ничего не в силах изменить. Зачем копать в грязи? И так хорошо.

В любом случае, человек верит только в то, во что хочет верить.

Медработник вызывает ее и показывает дорогу в кабинет врача.

— Доктор Мюллер, — приветствует Лину врач и слегка привстает.

Лина кивает, улыбается и протягивает руку:

— Карин Мюллер, — говорит она, опуская слово «доктор», как бы намекая, что между коллегами звания в некотором роде излишни. — Очень рада, благодарю, что нашли время.

Врач садится и указывает на место перед письменным столом. Она складывает руки, поднимает брови и вздыхает.

— Чем могу быть полезна? — Она выглядит изможденной. Так, будто больше всего ей хотелось бы отправиться домой. Возможно, причина в жаре. Даме под шестьдесят. У нее коротко стриженные волосы цвета красного дерева, очень яркие карие глаза. Очков нет, совсем немного макияжа на глазах. Практичная голубая блузка с короткими рукавами, практичные широкие, белые матерчатые брюки. На медработнике такая же комбинация цветов в одежде.

— Мы, разумеется, уже говорили. Я хотела бы задать несколько вопросов об укусах...

— О них у вас ничего не могу сообщить, — перебивает ее доктор Ортлепп.

Лина готова к отказу, она понимающе кивает:

— Я спрашиваю не о пациентке, меня интересует только, правда ли...

— Я вообще не занималась освидетельствованием той женщины. Поэтому ничего не могу вам сказать. Меня там не было.

— Да, но в нашей предварительной беседе...

— Вы спросили, можете ли вы заглянуть ко мне, потому что той ночью я оказывала экстренную помощь. Я ответила — да. Вы не спрашивали, освидетельствовала ли я ту женщину.

Лина старается держать себя в руках, следовать роли. Доктор Ортлепп что-то скрывает, говорит неправду, но Лина пока не понимает почему.

— А-а-а, — произносит Лина и кивает, размышляя, как ей действовать дальше.

Врач перехватывает инициативу и поучительным тоном говорит:

— Дежурство в сельской местности означает ответственность за огромное пространство, которую невозможно нести в одиночку. Конечно, для таких прецедентов есть персонал в разных населенных пунктах, но я — единственный врач. Бывает, что каждые несколь-

ко минут поступают сообщения. Многие нуждаются в помощи, если поблизости нет больницы или медицинского центра, или кто-то пропустил удаленную консультацию.

— Представляю, какая огромная нагрузка ложится на вас, — кивает Лина. Для начала врачу необходимо понимание. Немного сочувствия. Своего рода общественное признание. — Здорово, что вам это удается. И что это в принципе возможно — никого не обойти вниманием. А как именно происходят такого рода экстренные вызовы?

— Зачастую никакие они не экстренные. Некоторые держат связь со мной по телефону и показывают, что происходит. Я наблюдаю на мониторе и решаю, надо ли человеку приехать ко мне, или достаточно просто дать указания либо совет, или лучше вызвать кого-нибудь из ближайшей экстренной службы. Так все происходит в реальных чрезвычайных ситуациях. Два дня назад я привлекла санитар-добровольца из экстренной службы в Брюсселе. Он должен был обеспечить оказание первой помощи и транспортировку сюда.

— Получается, что вы осмотрели эту женщину позже?

— Нет, когда прибыл санитар, она была уже мертва. Предполагаю, что ее сразу отправили в отделение судебной экспертизы. Я не имела к этому никакого отношения.

— Вы видели ее раны? Это действительно были следы от укусов?

Врач смотрит в окно:

— Было невозможно определить.

Лина разочарованно кивает:

— Могу ли я поговорить с санитаром? Или, может, вам известно имя погибшей?

Врач медлит. Лина взмахивает рукой:

— Ясно. Защита данных.

Доктор Орлепп показывает на вырез ее топа:

— Как вы справляетесь?

На секунду Лине кажется, что ее раскусили. В сущности, объектив камеры в оправе очков совершенно незаметен. Он выглядит как украшение, но некоторые мнительные люди думают, что практически любой предмет можно приспособить для шпионажа. Что все разговоры втайне записываются. Эта дама очень недоверчива. Лина хватается за очки, ее пальцы скользят вдоль едва заметного шва между грудой. Очки достаточно сильно растянули вырез, так что видны несколько верхних миллиметров.

— Как вы себя чувствуете в такую жару?

— Нормально. Иногда, конечно, утомляет. Сегодня особенно.

— Как давно вы перенесли операцию? — врач проницательно смотрит на нее.

— Мне было двадцать два. — Если лжешь, всегда придержишься правды. Основное правило.

— Никаких осложнений? Иммунодепрессанты?

— В очень малых дозах. Организм хорошо справляется.

— Может, вас просканировать? Вы говорите, что сегодня особенно устали.

— Нет, правда. Я чувствую себя превосходно. — Лина установила наконец близкий контакт. Она улыбается и отмахивается. — В наше время медицинское обслуживание на высоте. — По едва заметному изменению выражения лица она понимает, что задела за живое. — Но вы и сами лучше меня знаете, — продолжает она дрожащим от восторга голосом. Теперь кое-что понятно о докторе Ортлепп. Эта женщина относится к системе гораздо критичнее, чем готова признаться. Интересно.

Врач кладет ладони на письменный стол:

— В Брюсселе вы тоже ничего не узнаете, распространение любых сведений запрещено. С санитаром поговорить не получится. — Она встает и широким жестом указывает в сторону двери. Разговор окончен.

Лина прощается, еще раз благодарит за беседу. Она пытается не улыбаться слишком навязчиво, что иногда с ней бывает, если она фрустрирована, но должна придерживаться роли. Доктор Ортлепп провожает ее до двери, чуть ли не подгоняя, будто не верит, что сможет наконец избавиться от нее. Затем, уже перед самым выходом, она кладет руку Лине на спину, наклоняется и шепчет ей через плечо:

— Этой женщины не существует. — Она открывает дверь, подталкивая Лину к порогу, и кричит медработнику: — Мы закончили. Следующий, пожалуйста.

За спиной у Лины доктор Ортлепп запирает дверь в кабинет на замок.